

УДК 821.161.1-311.6:811.111'312.1(045)

*Д.А. Шаховцев, К.А. Нагина***ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ Л. ТОЛСТОГО И Л. ВИТГЕНШТЕЙНА:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ**

Объектом исследования в статье являются военные дневники русского писателя и философа Льва Толстого и австрийско-британского философа Людвиг Витгенштейна. Предметом анализа выступает рефлексия авторов дневников по поводу военных событий, участниками которых они явились. В «Тайных дневниках» Л. Витгенштейна отмечается то несомненное влияние, которое оказала на него одна из фундаментальных работ Л. Толстого – «Соединение и перевод четырех Евангелий» (в версии «Краткое изложение Евангелия»). Духовные принципы Л. Толстого с этого момента становятся основополагающими для молодого философа. И Толстой, и Витгенштейн осмысливают происходящее через призму дихотомии духовного и плотского, переживая этический и аксиологический кризисы. Однако категория духовного для Л. Витгенштейна и Л. Толстого наполняется разным содержанием. Для первого оно сводится к работе над магистральным трудом – «Логико-философским трактатом», у второго – включает в себя «разумение» и «добродетель».

Ключевые слова: Л. Толстой, «Дневники. 1847–1894», «Краткое изложение Евангелия», Л. Витгенштейн, «Тайные дневники».

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-389-393

Людвиг Витгенштейн – известнейший австрийско-британский философ начала прошлого столетия, предтеча лингвистического поворота и идейный вдохновитель всей аналитической философии. Примечательно, что популярность фигуры Витгенштейна и его идей распространилась далеко за пределы философских кругов, несмотря на их глубоко специальный характер. Его работы на протяжении столетия вызывают интерес не только у философов-логиков, но и у художников, драматургов, поэтов, романистов, музыкантов и кинематографистов. Во многом этому способствовала притягательность и определённая тайна самой фигуры Витгенштейна. Его харизматичная личность и новаторские философские идеи вышли за пределы академических границ и оказали влияние на различные области культуры и мысли XX в. [1]. Можно сказать, что Витгенштейн – одна из виднейших фигур европейской культуры Новейшего времени.

Для подробного исследования персоны Витгенштейна, которое, в свою очередь, смогло бы предложить новые подходы к пониманию его философских идей, необходимо обратить внимание на тексты, так или иначе оказавшие на него влияние.

Доподлинно известно, что на ранний период его философского развития оказали религиозные и этические идеи Толстого, а также взгляды последнего на образование. На фронтах Первой мировой войны Витгенштейн познакомился с толстовским «Кратким изложением Евангелия» (сжатым вариантом «Соединения и перевода четырех Евангелий»), которое глубоко тронуло его [2]. Он постоянно перечитывал этот текст, носил его с собой, отмечая в письмах, что он «практически сохранил ему жизнь». Большое влияние на молодого философа (в момент поступления на службу ему было 25 лет) оказали идеи, касающиеся вопросов этики и духовной жизни. Толстовское восприятие духовного в его оппозиции к плотскому становится особенно близко Витгенштейну, что подтверждается текстами его «Тайных дневников». По всей видимости, духовные принципы, лежащие в основе толстовского «Краткого изложения Евангелия», становятся образующим ядром личной этической системы Витгенштейна тех лет. Данное Л.Н. Толстым определение духовности через *разумение* и противоположность *духовного* *плотскому*, как кажется, становится основополагающим принципом систематизации жизненного опыта для молодого философа. Этот принцип объясняет строгую дуалистичность витгенштейновской рефлексии, которую мы встречаем в его личных записях тех лет.

Но почему именно этот текст, совершенно случайно попавший в руки молодого философа, становится для него столь важным? Вероятно, этот ответ кроется в близости этических представлений двух мыслителей, обусловленной родством жизненного опыта. Значительное место в жизни Л.Н. Толстого и Людвиг Витгенштейна занимает война. Непосредственный военный опыт, личное участие в военных действиях – это источник и мощный катализатор мировоззренческих изменений. На войне оба мыслителя сталкиваются с трудноразрешимыми этическим и аксиологическим кризисами.

Опыт прохождения через эти кризисы обладает исключительной ценностью не только для людей, оказавшихся в тяжёлых условиях войны, но и для всего человечества, поскольку он позволяет обнажить острейшие общественные противоречия и предложить возможные пути их разрешения, подходы к *терапии нравственной травмы*. Вероятно, что толстовский опыт войны, серьёзно повлиявший на его собственные взгляды и имплицитно выраженный уже в его «Евангелии», стал необходимой духовной опорой для Людвиг Витгенштейна, участника совсем другой войны и представителя совсем другой эпохи.

Сопоставление автобиографических записей, представленных, с одной стороны, текстом толстовских дневников времён Крымской войны, а с другой – «Тайными дневниками» Людвиг Витгенштейна, могло бы помочь нам ответить на данный вопрос, найти *универсальное* в опыте двух великих европейских мыслителей.

В ноябре 1854-го г. двадцатипятилетний прапорщик артиллерии Л.Н. Толстой прибывает по долгу службы в осаждённый в ходе Крымской войны Севастополь. Почти в том же возрасте на фронт Первой мировой в качестве рядового солдата попадает Людвиг Витгенштейн.

К моменту прибытия на службу Толстой уже имел военный опыт на Кавказе¹, хорошо понимал особенности армейского быта, прочувствовал на себе природу войны и избавился от молодецких иллюзий, увидев «войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а войну в настоящем ее выражении, – в крови, в страданиях, в смерти...» [4, т. 21, с. 103]. Витгенштейн же подобного опыта не имел. По решению медицинской комиссии он вовсе не был годен к службе, но всё же сумел попасть на войну добровольцем. Первая мировая война стала для него первым серьёзнейшим испытанием тела, разума и характера.

6 января, будучи в расположении в крепости Грозной (совр. Грозный), молодой Толстой так описывал свой быт и ближайшее окружение: «Был дурацкий парад. Все – особенно брат – пьют, и мне это очень неприятно. Война такое несправедливое и дурное дело, что те, которые воюют, стараются заглушить в себе голос совести. Хорошо ли я делаю? Боже, настави меня и прости, ежели я делаю дурно» [4, т. 21, с. 116]. В этих словах не только выражено резко негативное отношение к самому феномену войны. В них также запечатлён острый этический кризис, поражающий её участников: лишённые нравственной опоры солдаты и офицеры ищут забвения в вине, а сам Толстой, не в силах самостоятельно отделить «зерна от плевел», лишённый всякой уверенности, он обращается за наставлением к Богу.

Всеобщая неуверенность сменяется нравственным упадком в войсках, который ведёт к внутреннему и внешнему беспорядку. Для некоторых война превращается в способ нечестного заработка: «Казаки хотят грабить, но не драться, гусары и уланы полагают военное достоинство в пьянстве и разврате, пехота – в воровстве и наживании денег. Грустное положение и войска и государства» [4, т. 21, с. 117].

Недовольство общим состоянием армии, её неорганизованностью и бесчестным поведением некоторых офицеров усиливается осознанием невозможности нарушать отдаваемые последними приказы. Подневольное положение особенно гнетёт молодого писателя: «Филимонов, в чьей я батарее, самое сальное создание, которое можно себе представить. Одаховский, старший офицер, гнусный и подлый полячишка, остальные офицеры под их влиянием и без направления. И я связан и даже завишу от этих людей!» [4, т. 21, с. 117].

Своё отношение к войне Л.Н. Толстой выражает не только эксплицитно. В его дневниках мы встречаем картины военного быта, внимание к которым само по себе свидетельствует о гуманистических, в сущности, антивоенных настроениях автора, не приемлющего бессмысленный ужас войны: «...Лоцман рассказывал про перевоз солдат: как солдат в проливной дождь лёг на мокрое дно лодки и заснул. Как офицер прибил солдата за то, что он почесался, и как солдат на перевозе застрелился от страха, что просрочил два дня, и как его бросили без похорон...» [4, т. 21, с. 119].

Толстой рассказывает о многочисленных судьбах, переломленных войной. Сочувствие Толстого часто выражается имплицитно: он взывает к состраданию предельно честным изображением жестоких сцен войны, замечая, что насилие на войне несоразмерно, беспорядочно и бессмысленно. Человеческая жизнь перестаёт быть самоценной, уступая место расчёту и мнимому порядку.

¹ Примечательно, что именно опыт Кавказской войны послужил отправной точкой нравственных трансформаций Л.Н. Толстого. Исследуя дневники писателя, Б.М. Эйхенбаум замечает резкую смену их характера в 1851-ом г.: «Вместо них появляются наброски описаний, литературные размышления и т. д. Начинаются настоящие *Lehrjahre* Толстого – он усиленно читает, наблюдает и пишет» [5, с. 77].

О больших проблемах с дисциплиной в армии, порядком и её общим духом пишет и Людвиг Витгенштейн: «Экипаж – сброд! Воодушевления – нет, невероятная грубость, глупость и злость!»; «...Ещё раз: глупость, наглость и злость этих людей не знает пределов» [2, с. 284].

Он тоже указывает на избыточное пьянство в солдатских рядах. По его свидетельству, окружающие сослуживцы (в том числе и офицеры) представляли собой «сборище пьяниц, подлецов и тупиц», «злых и бессердечных», «ужасающе ограниченных» и совершенно бесчеловечных. Перспектива оставаться в прямом подчинении у таких людей, равно как и неформальная зависимость от их действий и решений, болезненны и для Витгенштейна, поскольку являются прямым препятствием для духовного труда (сводящегося в терминах молодого философа исключительно к работе над «Логико-философским трактатом»): «Период безразличия к внешним обстоятельствам сменяется у меня периодом, когда я снова стремлюсь к свободе и покою, я устал от того, что должен безропотно выполнять любой приказ. Ближайшее будущее совершенно неопределённо! Одним словом: бывают моменты, когда я просто не могу смириться с настоящим» [2, с. 292].

Примечательно, что военные дневники Витгенштейна практически лишены *гуманных мест* – т. е. сцен, изображающих тяготы солдат и гражданского населения, какие мы встречаем у Толстого. Военные записи Толстого вообще часто напоминают корреспондентские сводки, содержащие развёрнутые, подробные описания как частного военного быта, так и глобальную, стратегическую оценку военных событий.

Очевидно, австрийский философ не ставил себе подобную задачу. Адресат и адресант его письма един: оно направлено самому себе и служит для решения очень личных, интимных проблем. Записи становятся своеобразной попыткой терапии и эскапизма, побега от хаоса внешнего мира, тихим пристанищем, в котором он пытается соблюдать строгий структурный порядок. В пользу этого говорит и то, что оригинальная рукопись была написана шифром, т.е. не предназначалась для широкой аудитории. Ужас войны в дневниках Витгенштейна – это не общая абстрактная категория. *Его ужас* конкретен и в гораздо меньшей степени вызван страданием других, чем *ужас у Толстого*. Это глубоко индивидуалистическое переживание, почти физиологическая реакция организма на внешнюю опасность: «Ледяной воздух, дождь. Я был уверен, что тотчас же умру. Включил прожектор и назад, одеваться. Я был страшно взволнован. *Я ощутил ужас войны*. Сейчас (вечером) я уже справился со своим страхом. Я не изменю своим чувствам и всеми силами буду стремиться сохранить свою жизнь» [2, с. 284] (курсив наш. – Д. Ш., К.Н.).

Основанием такого «индивидуалистического» отношения к войне и её испытаниям может являться та особенность устройства картины мира Витгенштейна, согласно которой все жизненные феномены разделяются на *духовные* и *вещные*. К сфере *духа* философ относит всё, что касается процесса написания «Логико-философского трактата». Работа над ним носит для Витгенштейна экзистенциальный характер, оценивается им практически как предназначение, а любые внешние обстоятельства (в том числе и лишения войны) волнуют его лишь в той степени, в которой они стесняют эту работу. Она оценивается им как высшее благо, как бы воспрывшее над всем прочим опытом. «Работа – это милость» [2, с. 320], – пишет Витгенштейн, имея в виду, конечно, не всякий труд, но только тот, который он считает *духовным*, т.е. связанным с написанием «Трактата». Здесь мы усматриваем ещё одно различие с образом мыслей Л.Н. Толстого. Толстой также высоко оценивает духовный труд, но само содержание духовности у русского писателя иное. *Духовное* Витгенштейна фактически сводится к работе над его магистральным трудом, в то время как *духовное* Толстого является гораздо более объёмным понятием:

«Человек вообще стремится к жизни духовной, и для достижения целей духовных нужно такое положение, в котором удовлетворение плотских стремлений не противоречит или совпадает с удовлетворением стремлений духовных. Честолюбие, любовь к женщине, любовь к природе, к искусствам, к поэзии» [4, т. 21, с. 140].

«Итак, вот моё новое правило, кроме тех, которые я давно поставил себе, – быть деятельным, рассудительным и скромным. *Быть деятельным всегда к цели духовной*, обдумывать все свои поступки на том основании, что те хороши, которые стремятся к *целям духовным*» [4, т. 21, с. 145] (курсив наш. – Д. Ш., К.Н.).

Позже Толстой пишет: «*Цель моя*: 1) добро ближнего и 2) образование себя в такой степени, чтобы я был способен делать его» [4, т. 21, с. 148] (курсив наш. – Д. Ш., К.Н.). Таким образом, один из критериев духовности по Толстому – благо и польза для ближних.

Возвращаясь к Витгенштейну, уместно было бы задать следующий вопрос: для чего молодой, здоровый и обеспеченный философ отправляется на войну, при любых обстоятельствах непременно стеснившую бы условия его труда и навредившую таким образом *духовному*? Можно предположить, что участие в войне, ставшей в сознании образованных молодых людей начала XX в. прямым следствием всеобъемлющего кризиса Западного мира, было для Витгенштейна самым радикальным способом заявить о собственной ангажированности, состоятельности и современности /своевременности. В этом жесте ощущается демонстративный разрыв с тупиковой европейской метафизикой. Это предположение хорошо сочетается с бытующим в культуре образом Витгенштейна как создателя аналитической философской мысли, предтечи лингвистического поворота в гуманитарном знании. Тяга к прозрачности мысли и *реальной пользе деяния* вместе с общим позитивистским взглядом на вещи прослеживаются и во многих послевоенных решениях Витгенштейна: учительская работа в деревенской школе, инженерные работы в архитектуре и т. д. Все эти решения характеризуют его как человека факта.

Не стоит забывать и о том, что личность Людвиг Витгенштейна времен «Тайных дневников» вовсе не сводилась к работе над «Логико-философским трактатом». Да, он действительно считал этот труд качественно более совершенной деятельностью и стремился выделить и огородить её от всего прочего опыта, однако он всё ещё оставался патриотом своей страны и остро ощущал собственный национальный долг:

«Мне кажется, совершенно очевидно, что мы не можем выстоять против Англии. Англичане — самая лучшая раса мира — не могут проиграть! А мы можем проиграть и проиграем, если не в этом году, то в следующем! Мысль, что наша раса должна быть повержена, меня страшно удручает, ведь я немец до мозга костей» [2, с. 294].

Третий важнейший фактор, который влиял на Витгенштейна, это вызов самому себе, стремление к самодисциплине и опрощению. Участие в войне могло стать для него своего рода экспериментом, шансом выявить эмпирическим путём, кем он станет, когда встретит смерть лицом к лицу (здесь важно отметить, что Витгенштейна долгое время преследовали мрачные и депрессивные настроения, выражающиеся в полном безразличии к жизни): «Если мой конец близок, пусть я умру достойно, не потеряв головы от страха, в полном осознании себя. Пусть я никогда не потеряю себя самого» [2, с. 287].

В этом смысле дорога на фронт предстаёт как путь поиска самого себя и своего места, как попытка вырваться из череды терзающих депрессивных эпизодов и обрести новые ценностные ориентиры. Парадоксальным образом Витгенштейн тянется к смерти, чтобы вновь обрести чувство жизни. Разгадка открывается ему девятого мая 1916-го г. в короткий перерыв между военными манёврами, бомбардировками и столкновениями с врагом. Он записывает в дневник, что «только смерть придаёт жизни её значение» [2, с. 319].

Философ также пишет о надлежащем чувстве благодарности Господу (вполне толстовскому в своей сущности) за каждую секунду жизненного благополучия:

«Лучшие часы жизни нужно принимать с благодарностью, как милость» [2, с. 292];

«Как милость рассматриваю то, что могу спокойно находиться в своей каюте и даже имею возможность собраться с мыслями» [2, с. 300];

«Жизнь в постоянной опасности. Ночь, милостью божьей, прошла хорошо. Время от времени на меня нападает уныние» [2, с. 318].

Таким образом, мы можем сказать, что под впечатлением от «Краткого изложения Евангелия» Людвиг Витгенштейн действительно перенимает одну из основ толстовской этики, выраженную дихотомией духовного и плотского. Витгенштейн последовательно классифицирует весь свой опыт с помощью этих категорий. Тем не менее, эта основа в прочтении австрийско-британского философа сильно изменяется: область духовного редуцируется до работы над «Логико-философским трактатом». Понятие толстовской духовности оказывается более сложным и объёмным. Его невозможно свести к конкретной работе (литературной, философской и т. д.), но к разумению и добродетели в общем смысле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биbihин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 576 с.
2. Витгенштейн Л. Тайные дневники 1914–1916 гг. М.: Логос, 2004. С. 279–322.

3. Пикфорд Г. Мыслить как Толстой и Витгенштейн: искусство, эмоции и выражение. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. 303 с.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1984.
5. Эйхенбаум Б. М. Работы о Льве Толстом. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 952 с.

Поступила в редакцию 29.12.2023

Шаховцев Данил Андреевич, магистрант направления 45.04.01 Филология
E-mail: dancebaka@yandex.ru

Нагина Ксения Алексеевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы
E-mail: k-nagina@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

D.A. Shakhovtsev, K.A. Nagina

WAR DIARIES OF L. TOLSTOY AND L. WITTGENSTEIN: AN EXISTENTIAL TURN

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-389-393

The object of research in the article is the wartime diaries of Russian writer and philosopher Leo Tolstoy and Austrian-British philosopher Ludwig Wittgenstein. The subject of the analysis is the reflection of the authors of the diaries on the military events of which they were participants. The Private Notebooks of Ludwig Wittgenstein highlights the undoubted influence that one of the fundamental works of L. Tolstoy – “The Composition and Translation of the Four Gospels” (in the version of “The Gospel in Brief”) – had on him. From that moment on, Tolstoy's spiritual principles become fundamental for the young philosopher. Both Tolstoy and Wittgenstein conceptualize what is happening through the prism of the dichotomy of the spiritual and the carnal, experiencing ethical and axiological crises. However, the category of the spiritual for L. Wittgenstein and L. Tolstoy is filled with different content. For the former, it is reduced to writing his master work – “Tractatus Logico-Philosophicus”; for the latter, it includes “reasoning” and “virtue”.

Keywords: Leo Tolstoy, “Diaries. 1847–1894”, “The Gospel in Brief”, L. Wittgenstein, “Private Notebooks”.

REFERENCES

1. Bibikhin V. V. Wittgenstein: smena aspekta. [Wittgenstein: Change of Aspect]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy [St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History], 2005. 576 p. (In Russian).
2. Wittgenstein L. Tajnye dnevniki 1914 – 1916. [Private Notebooks, 1914 – 1916]. Moscow: Logos, 2004. pp. 279–322. (In Russian).
3. Pickford H. Myslit' kak Tolstoj i Vitgenshtejn: iskusstvo, emocii i vyrazhenie [Thinking with Tolstoy and Wittgenstein: Expression, Emotion, and Art]. St. Petersburg: Academic Studies Press / Библиороссика [Bibliorossica], 2021. 303 p. (In Russian).
4. Tolstoj L.N. Sobr. soch.: v 22 t. [Collected works: in 22 volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1978–1984. (In Russian).
5. Eikhenbaum B. M. Raboty o L've Tolstom [Works on Leo Tolstoy]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2009. 952 p. (In Russian).

Received 29.12.2023

Shakhovtsev D.A., master degree student
E-mail: dancebaka@yandex.ru

Nagina K.A., Doctor of Philology, Professor
at Department of history and typology of Russian and foreign Literature
E-mail: k-nagina@yandex.ru

Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018